

Игорь Владимирович Омелянчук
(Владимирский государственный университет)

Украинский, финляндский и польский вопросы в идеологии русских консерваторов начала XX столетия

С началом XX века, наряду с революционно-освободительным движением, серьезную угрозу для самодержавия стали представлять и усилившиеся на окраинах империи движения национальные, требовавшие культурной, а иногда и политической автономии, от которой оставался один шаг до создания независимых государств. Возникшие как ответная реакция на усиление национально-освободительного движения консервативные (монархические, черносотенные) партии однозначно оценили требования введения автономий для «иностранческих» областей как «потрясение основ» русской государственности. Кроме того, из парадигмы черносотенной идеологии, жестко связывавшей самодержавие с особенностями русского национального духа, следовало, что все «иностранческие» движения, объективно направленные против господства русской нации, одновременно подрывают и устои самодержавия. Таким образом, для правых борьба против «иностранческого сепаратизма» и защита «русской народности» являлась одновременно и защитой самодержавной монархии.

Критерий принадлежности к «русской народности» (или нации)¹, по мнению правых, был один – принадлежность к православной религии. Один из руководителей Петербургского «Русского собрания» И.Л. Мордвинов утверждал: «[...]для того, чтобы сделаться русским человеком, прежде всего надо быть православным; только православие производит и поддерживает русскую

¹ В своих трудах правые чаще использовали термин «народность», лишь Л.А. Тихомиров да М.О. Меньшиков употребляли категорию «нация». Но производным от понятия «народность» в трудах монархистов чаще выступало слово «национальный», а отнюдь не «народный», что свидетельствует об определенном смещении дефиниций. В основном, правые под термином «народность» все же понимали нацию, но не как политическую или этническую общность, а как культурно-конфессиональное объединение с открытыми границами [przyp.aut].

национальность»². Д.И. Иловайский также считал, что православие есть главный признак русской народности³.

Один из главных идеологов правых Л.А. Тихомиров, отстаивая имперский принцип функционирования государства (он даже сравнивал русских с римлянами), при котором политическими правами обладает лишь одна титульная нация, доказывал, что для существования самодержавия в «разноплеменном государстве... необходимо преобладание какой-либо одной нации, способной давать тон общей государственной жизни и дух которой мог бы выражаться в Верховной власти»⁴. «Преобладание русской народности» отстаивали и другие представители монархического лагеря. Член «Русского собрания» генерал М.М. Бородкин утверждал, что лозунг «Россия для русских» должен «служить руководящим началом во всей политике и в нашей повседневной жизни»⁵. «Мы считаем, что в пределах нашего отечества первенствующее место должно принадлежать русским. Для себя, а не для других мы строили свой дом»⁶, – считал председатель этой организации Д.П. Голицын. «Россия не для Жидов, Поляков и Финляндцев, а, наоборот – для Русских», – писали «Московские ведомости»⁷.

Аналогичные положения вошли и в партийные документы правых. Устав СРН провозглашал: «Все учреждения Государства Российского объединяются в прочном стремлении к неуклонному поддержанию Великой России и преимущественных прав русской народности», которой должно принадлежать «первенствующее значение в государственной жизни и государственном строительстве»⁸. Даже весьма умеренный ВНС главным условием сохранения территориальной целостности Российской империи считал «ограждение во всех ее частях господства Русской народности»⁹. В уставе Киевского Клуба русских националистов (ККРН) говорилось: «Русскому народу своими трудами, страданиями и кровью создавшему великое Российское государство, принадлежат в России державные права по отношению к другим народам»¹⁰.

Авторы устава СРН полагали, что «господство русской народности» отнюдь не будет препятствовать «множеству инородцев» считать «за честь и благо принадлежать к составу Российской империи»¹¹. Мысль о том, что Российская империя оказывает цивилизаторское влияние на другие народы и, стало быть, высшим благом для «инородцев» является не автономия, а вхождение в состав русского народа, стала традиционной для российских монархистов. В частности, Л.А. Тихомиров утверждал, что «русская национальность есть мировая национальность, никогда не замыкавшаяся в круге племенных интересов, но всегда несшая идеалы общечеловеческой жизни, всегда умевшая дать место в своем

² *Русский праздник в Одессе*, „Мирный труд“ 1905, № 5, s. 167.

³ „Кремль“ 1905, 24 февраля. №№ 21 i 22.

⁴ Л. А. Тихомиров, *Монархическая государственность*, Moskwa 1998, s. 609.

⁵ *Деятельность обществ*. „Мирный труд“ 1903, № 5, s. 191.

⁶ Д.П. Голицын, *О своем доме*, „Мирный труд“ 1905, № 1, s. 26.

⁷ „Московские ведомости“ 1906, 11 января, № 8.

⁸ Центральный государственный исторический архив Украины [dalej: ЦГИАУ], zesp. 442, inw. 636, sygn. 647, cz. 2, k. 143, 144.

⁹ ЦГИАУ, zesp. 1439, inw. 1, sygn. 1377, k. 1.

¹⁰ *Сборник клуба русских националистов*, wyd. 4-5, Kijów 1913, s. 220.

¹¹ ЦГИАУ, zesp. 442, inw. 636, sygn. 647, cz. 2, k. 143.

деле и в своей жизни множеству самых разнообразных племен. Именно эта черта и делает русский народ великим мировым народом и, в частности, дает право русскому патриоту требовать гегемонии для своего племени». Отсюда следует, по мнению Л.А. Тихомирова, что «наше господство дело не просто национального эгоизма, а мировой долг»¹².

По мнению М.М. Бородкина, русская культура возможно и развивается медленнее европейской, вследствие множества объективных исторических причин. Но «если бы даже и допустить, что наша культура ниже культуры западных окраин... Разве мы свой «отсталостью», своим «варварством» мешаем развитию культуры на окраинах?» – спрашивал М.М.Бородкин. «Напротив, – утверждал он, – мы им дали возможность окрепнуть. Польша, Финляндия и Остзейский край расцвели после их присоединения к России. Русский меч оберегал их; русская казна содействовала им. Но чему мы действительно препятствовали, так это развитию государственной обособленности. Отсюда произошли все те крики об угнетении инородцев, которые стали оглашать Россию и Запад»¹³.

А.С. Вязигин с трибуны Государственной Думы утверждал: «...У нас вырабатывается понятие «великой семьи русского народа». В ней может найти место одинаково и инородец, если только он не стремится причинить вред этой самой великой семье»¹⁴. В программе Казанского Царско-народного русского общества говорилось:

Мы достигнем того, что окраинные народы забудут горе утраты своей политической самостоятельности или бывшей связи с другим государством, видя возрождение своей национальности при содействии сильных братьев, в единении с которыми будут сильны и они. Благодаря этому окраинные инородцы не только не будут тяготиться принадлежностью своею к составу Русского государства, но, наоборот, у них возникнет сознание, что их национальная самостоятельность только тогда и оказывается вне опасности, когда она покоится под охраною сильного и ни в чем не стесняющегося брата – Русского народа. Тогда естественным порядком утвердится и свободная связь окраин с центром на взаимности экономических и политических интересов, на выгоды и почетности быть членами русского государственного организма¹⁵.

Монархисты подчеркивали, что Россия от присоединения окраин не имеет никаких экономических выгод, более того, она несет существенные потери, экономически поддерживая вошедшие в состав империи народы, в хозяйственном отношении порой более развитые, чем Великороссия. Так Д.И. Иловайский утверждал, что окраины России, «особенно западные и южные, стали жиреть за счет Русского центра, который явно захирел»¹⁶. По мнению одного из лидеров СРН А.А. Майкова, «в то время как наши инородческие окраины тратили день-

¹² Л.А. Тихомиров, *Христианство и политика*, Moskwa 1999, s. 168, 362.

¹³ *Деятельность обществ, „Мирный труд“* 1903, № 5, s. 191.

¹⁴ Ю.И. Кирьянов, *Правые партии в России. 1911-1917 гг.*, Moskwa 2001, s. 311.

¹⁵ Е.М. Михайлова, *Правые партии и организации в Поволжье: идеологические концепции и организационное устройство (1905-1917)*, Moskwa 2002, s. 57.

¹⁶ „Кремль“ 1905, 24 февраля, №№ 21 и 22.

ги, проводили по ним сети железных дорог, предоставляли им всякие привилегии и льготы, создавали промышленность и поддерживали ее кредитами, для русского коренного населения, на котором лежало, однако, главное бремя налогов, делалось весьма мало, и о нуждах его весьма мало заботились»¹⁷. А.П. Липранди утверждал, что «все наши инородческие окраины существуют за счет коренной России, т.е., говоря проще, за счет русского народа, которому приходится нести двойную финансовую тяготу», и доказывал это с помощью статистических данных, приводимых государственным контролером финансов П.Х. Шванебахом: Россия ежегодно платит окраинам на 168 млн. рублей больше, нежели от них получает. За каждый рубль платимого государству налога Польша получает обратно 1 р. 14 к., Балтийский край – 1 р. 29 к., Литва – 1 р. 31 к., Кавказ – 1 р. 46 к. Коренная же Россия получает от 47 (великорусские губернии) до 92 (малорусские губернии) копеек¹⁸.

Консерваторы утверждали, что Российская империя, лишив присоединенных «инородцев» политических прав, отнюдь не стремится к их обрусению и оставляет в неприкосновенности их культурные права, не мешая их самобытному развитию. А.С. Вязигин подчеркивал, что в отличие от европейских государств, «у нас нет гонений на народные языки... у нас рядом с русскими, безвозбранно существуют инородческие школы... Местные правовые обычаи и законы у нас остаются неприкосновенными, поскольку их существование совместимо с интересами целого – с благом империи и общеимперскими нуждами»¹⁹. Член о «Русского собрания» Ф.С. Хлеборад утверждал, что «Россия насильно обрусить нерусских никогда не стремилась, и своих народностей никогда не угнетала, а наоборот, будучи всегда их добрейшей матерью, их защищала»²⁰. По мнению князя Д.П. Голицына, из господствующего положения русской народности, «не следует, что наше отношение к инородцам должно быть враждебным». Однако, «в инородцах мы хотим видеть будущих русских людей», – писал он²¹.

Таким образом, правые, отрицали, и необходимость насильственного обрусения инородцев, тем не менее, считали, что конечной целью национально-государственной политики России все же должно стать «добровольное и мирное» слияние инородцев с «господствующей народностью»²².

Монархисты, отстаивая «единую и неделимую», все же оставляли за инородцами право на сохранение национальной самобытности и некоторое самоуправление. Так «Русское собрание» утверждало, что, управление окраинами, ставя на «первое место общегосударственные интересы и поддержку законных интересов русских людей» не должно стеснять «местной жизни»²³. В «Основных положениях СРН» говорилось, что Союз «не только не желает нарушать самобытность населяющих Российскую империю не-русских народностей и

¹⁷ А.[А.] Майков, *Революционеры и черносотенцы*, Sankt Petersburg 1907, s. 30.

¹⁸ А.П. Липранди, *Россия и ее Финляндская окраина*, „Мирный труд“ 1910, № 4, s. 46, 47.

¹⁹ П. Хорсов, *В Харьковском отделе Русского Собрания*, „Мирный труд“ 1904, № 9, s. 159.

²⁰ Ф.С. Хлеборад, *Величайшая историческая ложь*, „Мирный труд“ 1910, № 5-6, s. 240.

²¹ Д.П. Голицын, *dz.cyt.*, s. 26, 27.

²² П.Хорсов, *В Харьковском отделе Русского Собрания*, „Мирный труд“ 1904, № 9, s. 160.

²³ *Полный сборник платформ всех русских политических партий, с приложением манифеста 17 октября и доклада Витте*, Sankt Petersburg 1906, s. 131.

оставляет им вполне неприкосновенными их веру, язык, быт, благосостояние и землю, но признает особую общественность для народностей, живущих на окраинах и имеющих там свою исконную определенную племенную оседлость»²⁴. Эти тезисы получили дальнейшее развитие в правой публицистике. Так представитель «Русского собрания» М.М. Бородкин писал: «Крепость государства требует, чтобы инородцы, сохраняя свой язык, нравы, обычаи, уклад жизни, свои порядки внутреннего управления и проч. были русскими по своим политическим чувствам, общим мировым стремлениям»²⁵.

Лев Александрович Тихомиров

Źródło: <http://www.hrono.ru>

Но если местное самоуправление национальных окраин, хотя и с большими оговорками, все же допускалось, то влияние инородцев на государственную политику и принятие политических решений правые изначально стремились свести к минимуму. «Несомненно, – писали «Московские ведомости», – что первым последствием перехода Верховной Власти к представителям различных

²⁴ Союз Русского Народа, Moskwa 1906, s. 14.

²⁵ М.[М.] Бородкин, *Итоги столетия*, „Мирный труд“ 1909, № 12, s. 72.

племенных групп, населяющих Россию, будет требование этими представителями особого от России существования этих групп»²⁶. Поэтому предоставление каких-либо политических прав окраинным народам монархисты жестко связывали с их лояльностью к Российской империи. «...Но коль скоро выяснилось, что от таких-то [инородцев] нельзя ожидать содействия общему делу, тогда о равенстве всех перед лицом Руси не может быть и речи» – писал Д.П. Голицын²⁷. «Московские ведомости» подчеркивали, что каждую народность следует приобщать «к благам государственного быта» в соответствии с «достигнутой уже ею степени гражданственности»²⁸. В Постановлении общего собрания Житомирского отдела СРН говорилось: «Равноправие с русскими членами Думы может быть предоставлено депутатам от инородцев только впоследствии, когда окажется возможным допустить это без вреда для Русского народа»²⁹.

Активно выступали правые и против федеративного устройства России, к чему со времен «Конституции» Н.М. Муравьева призывала либеральная оппозиция. В «Основных положениях СРН» говорилось: «Союз Русского Народа твердо объявляет и всенародно исповедует неделимость целокупность Российской Империи в ее теперешних границах и поставляет своим священным и непреложным долгом всеми силами содействовать тому, чтобы завоеванные кровью предков земли навсегда оставались неотъемлемою частью Русского Государства и чтобы все попытки к расчленению России, под каким бы то ни было видом, решительно и безусловно были устраняемы»³⁰. В уставе (ККРН) провозглашалось: «Никому не должно быть даруемо никаких автономий, ибо это был бы первый шаг к расчленению России...»³¹. Генерал М.М. Бородин утверждал: «Окраины взяты Россией в честном бою. Делать в них уступки, значит, содействовать развитию чужой государственности для уничтожения наследия наших предков, для подрыва внешней безопасности, для воспитания и укрепления враждебных нам элементов». Следовательно «развивать федерацию в пределах России – нелепость и преступление», заключал он³². Представитель ВНС А.А. Сидоров, предупреждая об опасности федерализма для России, подчеркивал, что «осуществление этой идеи у нас, вследствие сепаратистских стремлений наших инородцев, быстро привело бы к ослаблению связи между отдельными областями, а затем и к распаденю государства». При этом «русские в федеративной России оказались бы в положении илотов»³³.

Еще одной причиной обуславливавшей неприятие идей автономизма ортодоксальными монархистами стала российская консервативная политическая традиция, ведущая свое начало от эпистолярных посланий старца Филофея московским государям. Теория «Москва – третий Рим» являющаяся краеугольным камнем историософских взглядов всех российских монархистов, начиная с XVI в.

²⁶ „Московские ведомости“ 1905, 2 октября, № 261.

²⁷ Д.П. Голицын, dz.cyt, s. 27.

²⁸ „Московские ведомости“, 1905, 4 октября, № 263.

²⁹ ГАРФ, zesp. 116, inw. 1, sygn. 104, k. 2.

³⁰ Союз Русского Народа, Moskwa 1906, s. 13.

³¹ Сборник клуба русских националистов, wyd. 4-5, s. 220.

³² Деятельность обществ, „Мирный труд“ 1903, № 5, s. 190, 191.

³³ Д.А. Коцюбинский, *Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза*, Moskwa 2001, s. 224.

предопределяла великодержавные имперские амбиции консервативных идеологов и поддерживала в них мессианские настроения по отношению к присоединенным народам. По их мнению, «Святая Русь», наследница Византии должна собирать под свой скипетр иные земли и народы, неся им истину православной веры, а не отдавать территорию «иностранцам» и инославным. Исходя из этого, любые попытки введения элементов автономизма или федерализма в политическую систему страны, расценивались правыми, как препятствие для выполнения Российской империей ее мессианской роли в мировой истории.

Политическая реальность России начала XX в. не всегда втискивалась в прокрустово ложе теоретических схем монархистов, предполагавших мирное и добровольное слияние иноподданств титульной нацией. Наоборот, «сепаратистские» устремления окраинных народов после Первой русской революции только усиливались. Наибольшую опасность для территориальной целостности империи представляли автономистские требования этнических общностей, обладавших высокой политической культурой и имевших исторический опыт государственности. В первую очередь это относится к польскому и финляндскому народам, обладавшим оформленным национальным самосознанием и имевшим свою национальную интеллигенцию, и в меньшей степени к украинскому.

Лидер СМА В.М.Пуришкевич одним из внешних проявлений «тяжелого недуга, мучающего Россию», назвал подготовку «мятежа Финляндией, Польшей и Украиной»³⁴. Именно поэтому «иностранческий сепаратизм» был объявлен правыми самым опасным врагом империи, и на борьбу с ним монархисты обращали самое серьезное внимание.

«Малороссы – иностранцы! Что за нелепость», – писала правая газета «Тверское Поволжье»³⁵. Союз русского народа (СРН) все восточнославянские народы объединял в рамках единой русской нации. В уставе этой организации провозглашалось: «Союз не делает различия между великороссами, белоруссами и малороссами»³⁶. Член Главного Совета СРН М.Ф. Таубе даже включал в состав русского народа и литовцев, вероятно исходя из того факта, что долгое время в Великом княжестве Литовском официальным языком являлся русский. «Великоруссизм, малоруссизм (украинство), белоруссизм и литвинизм составляют как бы притоки одного великого разлива великорусского», – писал он³⁷. По мнению видного правого деятеля академика А.И. Соболевского, только интеллигенция различает три ветви: малорусов, белорусов и великорусов³⁸.

Но усиление национального движения на Украине в начале XX в. заставило монархистов со всей серьезностью отнестись и к так называемому «малороссийскому сепаратизму». Революционная буря 1905 г. вынудила царизм пойти на некоторые уступки в национальном вопросе, что еще более усилило украинское национальное движение, добившееся в этот период определенных успехов. В некоторых университетах были открыты кафедры украиноведения,

³⁴ Ю.И. Кирьянов, *dz.cyt.*, s. 311.

³⁵ „Тверское Поволжье” 1907, 5 августа, № 198.

³⁶ ЦГИАУ, *zesp.* 442, *inw.* 636, *sygn.* 647, *cz.* 2, k. 144.

³⁷ М.Ф. Таубе, *Основные положения славянофильства как научно-богословского учения*, „Мирный труд” 1906, № 8, s. 109.

³⁸ А.И. Соболевский, *Русский народ как этнографическое целое*, „Мирный труд” 1907, № 6-7, s. 48.

украинские театральные труппы впервые со времен Валуевского циркуляра 1863 г. получили разрешение ставить спектакли во всех местностях, основывались украинские клубы, библиотеки. Земства вновь подняли вопрос о разрешении преподавания в начальной школе на украинском языке.

В 1905 г. в Лубнах появилась первая газета на украинском языке «Хлібороб», затем в Киеве стала выходить «Громадська думка», после чего издания на украинском языке появились во многих городах Украины. В I и II Государственных Думах сформировались украинские фракции, так называемые «Громады» со своими печатными органами («Украинский Вестник» и «Рідна Справа – Вісті з Думи» соответственно), политической платформой которых была автономия Украины. «Громады», выражая интересы украинской интеллигенции, с думской трибуны требовали введения на Украине местного самоуправления, украинского языка в школах и учительских семинариях, судах, церкви, создания кафедр украинской литературы и истории в университетах³⁹. Все это свидетельствовало о появлении собственного национального самосознания, если не в украинском народе, то хотя бы в украинской интеллигенции, следствием чего рано или поздно должно было стать политическое самоопределение нации.

Довольно долго монархисты просто закрывали глаза на подобные факты. Так С.Ф. Шарапов в 1904 г. утверждал, что «в Малороссии культурная борьба закончена в пользу Русского элемента»⁴⁰. Академик А.И. Соболевский в своих высказываниях был осторожнее, но и он оптимистично смотрел на процесс слияния украинского и русского народов. «Малорусы держатся крепко за свой язык и свои бытовые особенности. Столетия близкого соседства малорусов с великорусами не превратило их в великорусов; полной ассимиляции не последовало, но начало ей положено», – писал он⁴¹. Член Киевского клуба русских националистов профессор Т.В. Локоть (перешедший впоследствии в лагерь октябристов) утверждал, что украинофильство в настоящее время не грозит отделением Украины от России: «Если это не удалось во времена Мазепы, то теперь это совершенно невозможно. Ассимиляция малороссов с великороссами идет неудержимо и непрерывно»⁴².

Лишь известный славист А.С. Будилович, в изданной в 1907 г. брошюре «О единстве русского народа», осознав всю серьезность положения, писал:

Мы обязаны дать дружный отпор тем «украинцам», которые – по святой ли простоте, или по интригам врагов, или, наконец, по корыстному желанию стать из вторых в городе первыми в деревне – упражняются теперь в раскальвании, то «немецким топором», то «польскою пилою» самого ядра нашей земли и народности⁴³.

Официальные власти, обладая лучшими источниками информации, чем представители монархических партий, в период нового революционного подъема также забили тревогу. Киевский губернатор доносил: «В течение 1911

³⁹ Н. Полонська-Василенко, *Історія України*, т. 2: Від середини XVII століття до 1923 року, wyd. 3-іе, Київ 1995, s. 424.

⁴⁰ С.[Ф.] Шарапов, *Опыт Русской политической программы*, Moskwa 1905, s. 19.

⁴¹ А.И. Соболевский, dz.cyt., s. 49.

⁴² *Сборник клуба русских националистов*, wyd. 4-5, s. 136.

⁴³ А.[С.] Будилович, *О единстве Русского народа*, Sankt Petersburg 1907, s. 43.

г. малорусская интеллигенция, питаясь сепаратистскими идеями из-за рубежа, сделала большие успехи в смысле пропаганды ложного учения о происхождении Украины, проповедуемого такими историками, как Грушевский»⁴⁴. В докладе жандармского полковника А.В. Мезенцова товарищу (заместителю) министра внутренних дел В.Ф. Джунковскому указывалось:

Начиная с 1905 г. все мазепинские партии в Галичине и их отделения в России окончательно осознали идею «Самостийной Украины» и всецело стремились только к тому, чтобы, использовав в удобное время переход Австрии через границу в Россию, и сейчас же вызвать мятеж и затем отторгнуть Украину от России и под скипетром Габсбургов основать «Украинское королевство». По этому поводу даже был заключен формальный договор между эрцгерцогом Францем-Фердинандом и российскими мазепинцами. Именно в 1910 г. у эрцгерцога на аудиенции были: выдающийся мазепинский деятель Евгений Олесницкий и митрополит граф Шептицкий, а из России Е.Х. Чикаленко и Н.В. Лисенко из Киева и Н. Михновский из Полтавы. Все они обещали эрцгерцогу вести пропаганду между малороссами в России в пользу австрийской династии⁴⁵.

Все это не могло не тревожить правительство и лояльные к нему политические силы. Поэтому на повестку дня встал вопрос об отношении монархистов к украинофильскому движению. Наибольшее внимание этой проблеме уделяли представители Киевского Клуба русских националистов, который благодаря своему географическому расположению оказался на «передовом рубеже» борьбы правых против «мазепинства». На одном из заседаний клуба товарищем председателя (заместителем) Галицко-русского общества в Киеве Ю.А. Яворским был сделан доклад с красноречивым названием «Мазепинский кошмар и русская действительность», в котором выступающий указал на «необъяснимое равнодушие по отношению к этому движению и беспечность со стороны русского общества и власти»⁴⁶. 17 апреля 1909 г. уже на общем собрании клуба с докладом на тему: «Политические требования украинофилов в изложении вождя последних проф. Грушевского» выступил неформальный лидер организации А.И. Савенко. По мнению докладчика, «русское общество недостаточно ясно представляет себе истинную природу украинофильства и склонно смотреть на деятельность украинофилов, как на нечто совершенно невинное. В действительности же сумма требований украинофилов составляет именно то, что мы разумеем под сепаратизмом»⁴⁷. Несколько позже А.И. Савенко доказывал, что борьба с украинофильством «будет успешна только тогда, когда она будет вестись на всей территории расселения южно-руссов, причем главные усилия должны быть направлены на цитадель украиноманства – Галицию». По его мнению, «бороться мерами полицейского запрета с движением идейным и чисто общественным, каковым, несомненно, представляется мазепинство, невозможно. Необходима борьба, прежде всего, идейно-общественная, и только такая борьба может иметь успех»⁴⁸.

⁴⁴ ЦГИАУ, зesp. 442, inw. 861, sygn. 259, cz. 1, k. 44.

⁴⁵ В.Ф. Джунковский, *Воспоминания. В 2 тт.*, т. 2, Moskwa 1997, s. 504.

⁴⁶ *Сборник клуба русских националистов*, wyd. 4-5, s. 136.

⁴⁷ Там же, wyd. 2, Kijów 1910, s. 13.

⁴⁸ Там же, s. 55.

17 ноября 1911 г. на специальном заседании ККРН А.В. Стороженко был сделан доклад на тему: «Сущность и значение украинофильства». Истоки этого течения, по мнению докладчика, восходят к 20-м годам XIX в., когда в католической базилианской школе в Умани поляки-учителя доказывали, что украинский народ является самостоятельной ветвью польского. Следующим этапом развития так называемого «мазепинства» было Кирилло-Мефодиевское братство, в котором наблюдалось «сильное влияние Польши». Впоследствии украинофильство находило поддержку в Австрии, которая хотела таким образом расширить свою территорию. По мнению А.В. Стороженко, «украинофильское движение выгодно для многих врагов России: папский престол надеется при помощи украинофилов и их видного деятеля в Галиции – униатского митрополита А.Шептицкого – поддержать униатство и перебросить его в Россию; австрийские немцы мечтают при помощи украинофилов создать Украинское государство под управлением Габсбургов; поляки мечтают на развалинах расколотовой России воссоздать независимую Польшу; наконец, надеется извлечь выгоды и еврейство». Вывод докладчика был таков: «мазепинство» явление, не имеющее исторических корней в Малороссии и привнесенное туда другими державами с целью присоединить ее⁴⁹. Эту точку зрения отстаивали и другие представители клуба. Так В.В. Шульгин характеризовал украинское национальное движение как «представляющее, несомненно, государственную измену, мечтающее о том, чтобы продать русские земли австрийской короне за цену «автономии»⁵⁰.

24 ноября 1911 г. ККРН принял резолюцию, в которой, в частности говорилось: «Мазепинское движение, опираясь на неуязвимую для нас галицко-австрийскую базу, растет, распространяется по всей Малороссии и принимает угрожающие размеры». По мнению авторов этого документа, «мазепинское движение является самым грозным и опасным из всех движений, направленных против единства и целостности Российской империи, так как это движение стремится разрушить самую основу целостности и величия России – единство русского народа»⁵¹. Состоявшийся спустя три месяца I Всероссийский съезд ВНС (Петербург, 19-21 февраля 1912 г.) в своей резолюции «О мазепинцах» также выразил протест «против попыток левых партий расколоть русский народ и зачислить малороссов и белорусов в число инородцев»⁵².

Большинство правых выступало против придания украинскому языку официального статуса. А.С. Будилович подчеркивал, что стремление легализовать украинский язык это идет извне, из Австрии, стремящейся присоединить Украину к своей короне: «...только в Галиции и Буковине в последние десятилетия зародилась мысль о втором большом русском языке». «Но в основу его... положен был не старый славянорусский... даже не поэтический диалект Шевченки, а особый искусственный жаргон... проникнутый множеством наслоений из языка польского». По своему составу и строю, – писал А.С. Будилович, – жаргон этот приблизительно так относится к речи Шевченко, как жаргон еврейский к языку

⁴⁹ Сборник клуба русских националистов, wyd. 4-5, s. 134-135.

⁵⁰ Д.А. Коцюбинский, dz.cyt, s. 298.

⁵¹ Сборник клуба русских националистов, wyd. 4-5, s. 262.

⁵² Tamże, s. 83.

немецкому»⁵³. Когда на Украине требования допустить образование в начальной школе на украинском языке были поддержаны и местными земствами, то ККРН нашел необходимым заявить, что «два параллельных языка это роскошь, а не этнографическая необходимость»⁵⁴.

Но были в лагере консерваторов и исключения. Так В.В. Шульгин писал, что «мы не только не посягаем на малорусский говор, бытовые исторические особенности и прелесть украинской поэзии, но мы охраняем ее и лелеем... Мы в этом смысле большие украинофилы, чем господа мазепинцы»⁵⁵. Профессор Т.В. Локоть полностью солидаризировался с В.В. Шульгиным, подчеркивая, что следует отличать этнографический национализм от национализма политического, и если к первому надо относиться терпимо, то ко второму – со всей суровостью⁵⁶. Как видим, и В.В. Шульгин, и Т.В. Локоть не понимали, что развитие этнографического национализма, неизбежно положит начало процессу национальной самоидентификации, закономерным следствием которой станет национальное самоопределение, т.е. тот самый «политический национализм», против которого оба они так яростно выступали.

В своей пропаганде правые стремились противопоставить украинский народ украинской политической элите, обвиняя последнюю в том, что она для удовлетворения собственных политических амбиций готова отдать собственный народ под гнет иноверцев. Монархисты особенно подчеркивали тот факт, что национальные идеи, проповедуемые украинской интеллигенцией, не встречают отклика ни в русифицированных городах Украины, ни в селах, где крестьяне находили для себя своеобразную православно-русскую национально-конфессиональную идентификацию, продолжая при этом считать себя малороссами. А.С. Будилович утверждал, что «центробежные стремления если и проявлялись иной раз у южноруссов, то обыкновенно не в среде народных масс, а в верхах населения... в новейшее время – разных интеллигентов»⁵⁷. По мнению националиста А.А. Сидорова, «политическое украинофильство» в настоящее время «не находит, к счастью, сочувствия в народе»⁵⁸. Академик А.И. Соболевский писал: «Данные новейшего «освободительного движения» показывают, что украинофильство свойственно только левым партиям, и что умеренное большинство и, прежде всего, наиболее заинтересованное здесь крестьянство, никакого украинофильства не знает; оно считает себя за один русский народ с великороссами и стоит за полное государственное единство России»⁵⁹.

Общий вывод о сути и перспективах украинского движения, сделанный киевскими националистами, был таким: «Украинофильское движение представляет собою явление в такой же степени вредное, как и беспочвенное»⁶⁰. Как видим, монархисты были излишне оптимистичны, полагая, что украинское

⁵³ А.[С.] Будилович, dz.cyt, s. 16, 17.

⁵⁴ Сборник клуба русских националистов, wyd. 4-5, s. 143.

⁵⁵ Д.А. Коцюбинский, dz.cyt, s. 304.

⁵⁶ Сборник клуба русских националистов, wyd. 4-5, s. 136.

⁵⁷ А.[С.] Будилович, dz.cyt, s. 27.

⁵⁸ Д.А. Коцюбинский, dz.cyt, s. 296.

⁵⁹ А.И. Соболевский, dz.cyt, s. 51.

⁶⁰ Тамże; Сборник клуба русских националистов, wyd. 4-5, s. 220.

национальное движение не имеет шансов на успех, и поэтому «создать» отдельную нацию из малороссов никогда не удастся.

Польский вопрос имел гораздо более долгую историю. С екатерининских времен, когда Речь Посполитая была разделена между Австрией, Пруссией и Россией на территории Польши постоянно тлело национально-освободительное движение, вспыхивая иногда яркими пожарами восстаний, как, например, в 1830 или в 1863 годах.

С целью подавления польского сепаратизма Александр II даже образовал в 1862 г. так называемый Западный комитет, ведавший русификацией западных губерний⁶¹. Но результаты деятельности этого комитета не оправдали возлагаемых на него ожиданий. Спустя несколько лет князь В.П. Мещерский в письме к цесаревичу, будущему императору Александру III, указывал, что «важнейшим вопросом является вопрос не о борьбе русского элемента с польским, но об уничтожении последнего до корня... Отсюда вывод один: русская администрация в этом крае должна жертвовать законностью для русских интересов, должна зорко и ежеминутно следить за каждым движением поляка и неумолимо, удар за ударом преследовать одну задачу: уничтожение этого элемента не силою штыка, но силою русского ума, русской воли, русской мысли, облеченных в диктаторство»⁶².

Но добиться желаемого – полной русификации края – так и не удалось. Важную роль в этом сыграл католицизм, который препятствовал ассимиляции польского народа и поддерживал особую польскую национальную идентификацию, отличную от русской. Известный юрист, доктор уголовного права, примыкавший к монархистам, Н.Д. Сергеевский даже утверждал, что насильственное обрусение поляков вообще невозможно⁶³. Более того, по мнению академика А.И. Соболевского, поляки «оказывают ассимиляционное влияние на русский народ и ополячивают его западные части»⁶⁴.

С началом нового XX столетия польское национальное движение существенно усилилось. «Московские ведомости», отмечая революционность польского национального движения, подчеркивали, что «в учинении нынешней крамолы поляки не отстали от Евреев»⁶⁵. А в докладной записке на имя В.Н. Кокцовца, составленной в конце 1912 г. от имени руководящих органов ведущих правых партий (Совета «Русского собрания», Главной Палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела, Петербургского Совета ВНС и Главного Совета СРН) отмечалось: ««Ягеллоновская» идея – идея польской государственности и ненависть ко всему русскому за последнее время среди поляков нисколько не ослабели»⁶⁶.

Польское национальное движение представляло серьезную опасность для целостности Российской империи, так как Польша несколько столетий имела

⁶¹ С.В. Римский, *Конфессиональная политика России в Западном крае и Прибалтике XIX столетия*, „Вопросы истории“ 1998, № 3, с. 35.

⁶² И.Е. Дронов, *Кружок князя В.П. Мещерского 1865-1871 гг.*, „Вестник Московского университета“ серия 8: История, 2001, № 3, с. 85.

⁶³ Н.[Д.] Сергеевский, *Поляки в авангарде инородцев*, „Мирный труд“ 1907, № 5, с. 128.

⁶⁴ А.И. Соболевский, *dz.cyt.*, С. 43.

⁶⁵ „Московские ведомости“ 1906, 11 января, № 8.

⁶⁶ *Правые партии. Документы и материалы*, т. 2: 1911-1917 гг., Moskwa 1998, s. 51.

собственную государственность, и поэтому национальное самосознание было свойственно не только образованным высшим слоям, но и широким массам польского народа, что делало лозунг автономии Польши весьма популярным среди населения. Наличие значительных материальных средств, которыми располагали польские магнаты, делало национальное движение еще более опасным для самодержавия. В отчете о деятельности Киевского Губернского отдела СРН за 1910 г. указывалось: «Польское засилье в крае, основанное на материальной зависимости крестьянского населения от богатых польских помещиков, сильно тормозит развитие патриотической работы»⁶⁷. А товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский в своих мемуарах отмечал: «В течение 1913 г. я получил донесения от начальников жандармских управлений Юго-Западного края об усилении национального польского движения в этом крае по проведению в жизнь заветной мечты поляков – восстановлению независимой Польши»⁶⁸.

Русский религиозный философ В.С. Соловьев еще в XIX в. указал причину радикализма и непримиримости польского национального движения.

Являясь передовыми борцами западного начала, – писал он, – поляки видят в России враждебный их духовному существу Восток, силу чуждую и темную, и притом имеющую притязания на будущность, и потому несравненно более опасную, чем, например, турки и мусульманский Восток... Вражда Польши к России является... лишь выражением векового спора Запада и Востока, и польский вопрос есть лишь фазис великого восточного вопроса⁶⁹.

«Московские ведомости» утверждали, что требуемая ныне поляками автономия «именно и является возобновлением исторической борьбы Польши с Россией, созданием вражеского стана у рубежей государства». «Польша всегда служила очагом враждебных России и Русскому народу замыслов, чувств и стремлений...» – писала эта газета⁷⁰. Один из лидеров правых В.М. Пуришкевич считал, что поляки, несомненно, относятся к народностям России враждебным, в отличие от немцев, которые, быть может, и не преданы русскому государству, но зато верны династии⁷¹. Деятельность польской фракции в Государственной Думе, придерживавшейся тактики «наступательного» национализма⁷², лишней раз убедила правых в непримиримости поляков. **По мнению Н.Д. Сергеевского**, «вековая борьба России и Польши готова возобновиться. Россия должна победить Польшу или сама погибнуть»⁷³.

Правда, революционные события 1905-1907 гг. и сопутствующие им аграрные волнения привели к определенной солидаризации русских и польских

⁶⁷ Отчет о деятельности Киевского Губернского отдела Союза Русского Народа за 1910 г. (4-й год существования), „Мирный труд“ 1912, № 1, с. 219.

⁶⁸ В.Ф. Джунковский, dz.cyt, s. 289.

⁶⁹ В.С. Соловьев, *Сочинения в двух томах*, т. 1, Moskwa 1989, s. 71.

⁷⁰ „Московские ведомости“, 1905, 16 ноября, №. 302.

⁷¹ Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911-февраль 1917 года, „Вопросы истории“ 1999, № 3, с. 15.

⁷² Т.Ю. Павельева, *Польская фракция в Государственной Думе России 1906-1914 годов*, „Вопросы истории“ 2000, № 3, с. 112.

⁷³ Н.[Д.] Сергеевский, *Поляки в авангарде инородцев*, с. 121.

помещиков, которых на некоторое время объединили классовые интересы. Накануне выборов во II Думу А.И. Савенко писал: «Среди поляков есть партия, которая отказалась от польских вожделий в крае и стремится к мирному культурному сожитию с русскими. С такой партией не только можно, но и должно стремиться вступить в блок при том, однако, условии», если она «вполне определенно откажется от солидарности с польскими шовинистами»⁷⁴. Но в период Столыпинского «успокоения» национальные и экономические интересы, в первую очередь борьба за землю, вновь развели польских и русских помещиков по разные стороны баррикады. Уже в 1909 г. А.И. Савенко изменил позицию: «Поляки везде открыто и решительно говорят, что Литва и Русь – польский край. Они ведут с нами наступательную борьбу, и ни на какие уступки не идут и не пойдут»⁷⁵. На I Всероссийском съезде ВНС (Петербург, 19-21 февраля 1912 г.) некоторые представители центральных губерний, где действие «польского элемента» было менее заметно, высказывались за возможность частичных блоков с поляками, но съезд не согласился с ними и, по предложению представителей Юго-Западного края (Киевской, Подольской и Волынской губерний), принял резолюцию, в которой указывал на недопустимость даже частичных соглашений⁷⁶.

Правые настаивали на том, что включение Польши в состав Российской империи имело только позитивные последствия для польского народа. М.М. Бородин подчеркивал, что в Польше только «благодаря России «хлоп» стал человеком, а не «быдлом»», и вообще «развитие польского народа происходило только в русской земле»⁷⁷. «Московские ведомости» писали, что «смерть Польши действительно не была несчастьем для Польского народа, который к обоим мятежам отнесся равнодушно и теперь не помышляет ни о каких автономиях; в России, наделившей его землей и давшей ему свободу и права человеческие он себя чувствует, конечно, не в пример лучше, чем в бывлой Польше, в которой влачил жалкое существование обездоленного и бесправного панского «быдла»»⁷⁸.

Но, по мнению многих монархистов, будучи благодетельным для поляков, присоединение Польши имело самые негативные последствия для России. Так Д.И. Иловайский утверждал, что «присоединение Царства Польского не только не вызывалось никакими русскими интересами, но шло положительно с ними в разрез. Оно... почти всю тяжесть Польского вопроса взвалило теперь на русскую шею»⁷⁹. Главным негативным последствием присоединения Польши правые считали ополячивание населения Украины, Белоруссии и Литвы и усиление роли «польского элемента» в общественной и государственной жизни. В докладе, прочитанном 6 ноября 1909 г. одним из лидеров киевских монархистов генералом П.Е. Жуковым, говорилось: «25 лет назад в Киевской городской думе не было ни одного поляка. С 1887 по 1906 – не более четырех. В настоящее время – 13»⁸⁰. В упоминавшейся выше записке руководителей правых партий на имя В.Н. Коковцова, отме-

⁷⁴ Tamże, s. 283.

⁷⁵ Tamże, s. 281.

⁷⁶ Сборник клуба русских националистов, wyd. 4-5, s. 82.

⁷⁷ Деятельность обществ, „Мирный труд” 1903, № 5, s. 194.

⁷⁸ „Московские ведомости”, 1905, 22 ноября, №. 308.

⁷⁹ „Кремль” 1906, 19 октября, №№ 26, 27 і 28.

⁸⁰ Сборник клуба русских националистов, wyd. 2, s. 25.

чалось: «Сначала окатоличенье, а потом и ополяченье белорусского крестьянина продолжается на глазах у власти путем костела и экономической зависимости от польских помещиков». По мнению авторов записки, «самоуправления городские на всем северо-западе, и частью даже и на юго-западе находятся почти исключительно в польских руках», хотя Западный край «ни по историческому прошлому, ни по этнографическому составу населения (поляков не свыше 10 % населения) никоим образом польским считаться не может»⁸¹. В.М. Пуришкевич акцентировал внимание на «подрывной» деятельности поляков в России. По его мнению, «поляки вносят раздор в среду русских, возбуждая, белорусский и в особенности, украинский сепаратизм («бендзе Польска до Тобольска»). Они поддерживают мазепинство и при помощи евреев мечтают провести в Государственную Думу проф. Грушевского, известного врага России, желающего добиться «самостийной Украины»»⁸².

Националист П.И. Ковалевский считал, что «поляки, как и все инородцы в России, тогда только могут рассчитывать на равноправие в России, когда они на деле докажут, что они прежде всего русские, а потом поляки». При этом П.И. Ковалевского особенно тревожило усиление позиций польской интеллигенции в коренных русских областях, и поэтому он предлагал «попросить господ поляков врачей, адвокатов и др. свободных профессий отправиться в свою Польшу и там практиковать»⁸³. Консерваторы не оставили без внимания и попытки ввести польский язык в качестве основного в учебных заведениях на территории Царства Польского. В.М. Пуришкевич заявил, что такой порядок вещей повел бы лишь к усилению антигосударственной польской пропаганды⁸⁴.

Но все усилия правых подавить польский «сепаратизм» не приносили результатов. Поэтому националисты даже всерьез рассматривали вопрос о передаче Польши Австрии в обмен на Галицию⁸⁵. С.Ф. Шарапов наилучшим решением Польского вопроса считал изоляцию Польши от России⁸⁶. Д.И. Иловайский также призывал «отделить от России неестественно присоединенный к нам Польско-еврейский Привислянский край, удержав за собою русскую Холмщину». По его мнению, «русскому народу даже выгоднее было бы претерпеть отпадение некоторых окраин, чтобы не истощать себя без конца их охранением и вносимую ими в наши внутренние дела смутую»⁸⁷.

Финляндия, являясь конституционным великим княжеством, состоящим в унии с Российской империей, и обладая реальной автономией, в начале XX в. весьма активно начала добиваться полной государственной самостоятельности. Основной формой борьбы за независимость было так называемое «пассивное сопротивление», то есть отказ подчиняться распоряжениям, считавшимся, с точки зрения существующего финского права, незаконными. Вершиной такого

⁸¹ *Правые партии*, т. 2, с. 52, 53.

⁸² Государственный архив Российской Федерации [dalej: ГАРФ], zesp. 117, inw. 1, sygn. 648, k. 16.

⁸³ Д.А. Коцюбинский, dz.cyt., s. 285, 291.

⁸⁴ *Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911-февраль 1917 года*, «Вопросы истории» 1999, № 3, с. 15.

⁸⁵ Д.А. Коцюбинский, dz.cyt., s. 293.

⁸⁶ С.[Ф.] Шарапов, dz.cyt., s. 19.

⁸⁷ «Кремль», 1906, 19 октября, №№ 26, 27 і 28.

сопротивления стал «массовый адрес», собравший полмиллиона подписей и поданный царю в марте 1899 г., но не принятый им. Партия так называемых «суометарианцев» группировавшихся вокруг газеты «*Uusi Suometar*» и ориентировавшаяся на диалог с русским правительством постепенно теряла позиции. Пребывание на посту генерал-губернатора Финляндии Н.И. Бобрикова (1898-1904 гг.), стремившегося к полной русификации края и его административному объединению с империей, путем исключительных законов, изданных без участия законодательного органа Финляндии – Сейма – привело только к росту недовольства финнов и усилению, вследствие этого, национально-освободительного движения. В июне 1904 г. Н.И. Бобриков был убит финляндцем Е. Шауманом. Но и назначение нового генерал-губернатора И.М. Оболенского, придерживавшегося более умеренных взглядов, ситуацию в Финляндии не изменило.

Важность Финляндского вопроса в российской политической жизни подчеркивал А.П. Липранди. По его мнению, «революционно-сепаратистская смута, продолжающаяся в Финляндии, несмотря на успокоение, наступившее на других окраинах (не меньше взбаламученных революцией) и во всей остальной России, и принявшая как бы хроническую форму, несомненно, свидетельствует о более глубоко укоренившемся там центробежном стремлении, что, понятно и естественно, требует большей бдительности в отношении этой окраины, угрожающей единству и целостности России даже при почти нормальном уже порядке государственной жизни»⁸⁸.

Финляндский вопрос попал в поле зрения правых, не в последнюю очередь и потому, что Финляндия, имеющая собственную, отличную от российской, юстицию, становилась надежным прибежищем российской политической оппозиции. «Выборгское воззвание», составленное депутатами распущенной I Думы, являлось лишь одним из многих подобных примеров. Поэтому монархисты настаивали на унификации государственного устройства, в первую очередь, судебной системы Финляндии с остальными русскими территориями. Об этом, в частности, заявлял представитель ВНС П.И. Ковалевский⁸⁹.

Другой причиной, вынуждавшей правых уделять столь серьезное внимание Финляндии, было ее геополитическое положение. По мнению Н.Д. Сергеевского, «присоединением Финляндии и установлением естественных границ с государствами Скандинавского полуострова завершилось вековое стремление Руси к Балтийскому морю»⁹⁰. «Московские ведомости» так писали по поводу автономистских устремлений Финляндии: «Как ни поверните дело, у ворот русской Столицы создается враждебное, и довольно притом сильное новое Государство»⁹¹. А.П. Липранди, напоминая, что именно в Финляндии находили прибежище русские революционеры, утверждал: «Если для внутренних врагов России Финляндия явилась такой удобной операционной базой, то такой же и более еще удобной операционной базой она... может явиться и для всякого внешнего

⁸⁸ А.П. Липранди, dz.cyt, s. 27.

⁸⁹ Д.А. Коцюбинский, dz.cyt, s. 324.

⁹⁰ Н.[Д.] Сергеевский, *Финляндская сказка про белого бычка*, „*Мирный труд*“ 1907, № 10, s. 122.

⁹¹ „*Московские ведомости*“ 1906, 11 января, № 8.

врага». По его мнению, начинаясь в 30 верстах от Петербурга, автономное княжество «играет столь важную роль по обеспечению последнего, что само существование его, как столицы, только и мыслимо при условии полного владения нами Финляндией», а стало быть, положение «занятое в настоящее время Финляндией, нестерпимо и недопустимо с точки зрения как государственно-политической, так и военно-стратегической», – подытожил свои рассуждения А.П. Липранди⁹².

К началу нового ХХ в. активность национального финляндского движения заметно усилилась. Единственной конституированной монархической партией к тому времени было «Русское собрание», поэтому идеологическую борьбу с финляндским сепаратизмом возглавило именно оно. Монархистов особенно тревожило постепенное вытеснение русского языка и русской администрации из Финляндии. Еще в сентябре 1901 г. на одном из заседаний «Русского собрания» бывший инспектор народных училищ Восточной Сибири П.Н. Троцкий-Сенютович сделал доклад: «Путевые заметки по Финляндии от Петербурга до Торнео включительно». Выступающего поразили обособленность и отчужденность от всего русского, ярко проявившаяся в Финляндии к тому времени. «Везде заметно было отсутствие русских газет, отсутствие самого элементарного знания русского языка не только в обществе, но и в административных учреждениях», а «полнейшее отсутствие русских начальных школ, отсутствие русского храма, потеря русского авторитета усиливает ненормальное положение русского человека в Финляндии»⁹³. Несколько позже А.П. Липранди также отмечал, что в Финляндии «русские лишены не только всякого представительства... но и вообще всех политических и гражданских прав». Финляндцы же «пользуются во всей остальной России не только всеми правами, какими пользуются сами русские, но и многими преимуществами»⁹⁴.

Генерал М.М. Бородкин, считавшийся у правых специалистом по финляндскому вопросу, так как провел детство в «стране тысячи озер», в начале 1905 г. со страниц журнала «Мирный труд» обозначил позицию правых по отношению к Финляндии. По мнению генерала, эта территория «добыта Россией в честном бою» и есть «нераздельная часть России и никоим образом не отдельное государство». «Мы... не только признаем финляндское внутреннее самоуправление, но и находим его полезным и желаем ему дальнейшего процветания, не в ущерб, конечно, государственным интересам России... с нашей стороны никогда не подымались голоса против бытовых, этнографических, культурных и иных особенностей финнов», – писал М.М. Бородкин. Но при этом «финляндцы суть русские подданные и обязаны признавать себя таковыми», – подчеркивал он. В настоящее же время утверждал М.М. Бородкин, «совершенно определено известно, что финляндцы себя русскими подданными не признают, России своим отечеством не считают, а русского национализма и наши мировые задачи знать не хотят»⁹⁵.

⁹² А.П. Липранди, dz.cyt, s. 29, 30, 32.

⁹³ *Деятельность обществ*, „Мирный труд” 1902, № 4, s. 201.

⁹⁴ А.П. Липранди, dz.cyt, s. 35.

⁹⁵ М.М. Бородкин, *Памяти финляндского генерал-губернатора Н.И.Бобрикова*, „Мирный труд” 1905, № 1, s. 132.

Пока существует Российское государство, – писал Н.Д. Сергеевский, – Финляндия и Россия должны составлять единое политическое тело: история не пойдет назад, и не разорвут этого тела никакие финляндские интриги». Правда, полагал он, «преступное сопротивление нормальному течению русской государственной жизни может привести к другому: оскорбленный идеал политического единства положит предел обычному русскому добродушию и безжалостно потребует жертв»⁹⁶.

Правые подчеркивали, что, несмотря на открытую борьбу с русской государственностью, Финляндия продолжает при этом пользоваться весьма широкой финансовой помощью России, чем и объясняются все ее социально-экономические успехи. «Громадные средства были отпускаемы на благоустройство городов и высших учебных заведений Финляндии, которая сама никогда не участвовала ни в каких расходах Российской империи. Финляндия спокойно могла тратить все свои средства на благоустройство городов, путей сообщения и на образование. В то время, когда все государства затрачивают миллиарды на военный бюджет, Финляндия не знала до последних лет этого расхода», – утверждал П.Н. Троицкий-Сенютович⁹⁷. Ему у вторил генерал М.М.Бородкин: «Что же касается денежных повинностей Финляндии в пользу общеимперской казны, то Финляндия от них не только избавлена, но еще получает от русской казны ежегодно более 3-х миллионов рублей, расходуемых нами на содержании войска, русской администрации, учительского персонала и пр. При таких условиях легко, конечно, развивать свою культуру!»⁹⁸ «Московские ведомости» утверждали, что из России помощь Финляндии «лилась всегда весьма широко деньгами, хлебом, приютом для многих финляндцев, наводнявших соседние губернии, а равно и массой льгот для финляндской промышленности, хотя бы и в ущерб не очень то богатой своей родной»⁹⁹. В начале 1908 г. В.М. Пуришкевич даже внес в Думу запрос от имени правых депутатов «о привлечении Финляндии к общегосударственным финансовым тяготам». Но этот консервативный демарш был оставлен без последствий и в 1910 г. А.П. Липранди констатировал, что Финляндия по-прежнему «вообще не несет никаких государственных расходов»¹⁰⁰.

Способы решения финляндского вопроса, предлагаемые монархистами, практически не менялись за весь период существования правых партий. В апреле 1905 г. в «Русском собрании» с докладом «О современном положении финляндского вопроса» выступил П.Ф. Булацель. Выводы, сделанные докладчиком, гласили: «... в финляндском вопросе необходимо, и как можно скорее, возвратиться на путь твердой непоколебимой политики в духе русской государственности»¹⁰¹. Совет «Собрания» «выслушав доклад П.Ф.Булацеля об окраинах и не возражая против желательности сохранения внутреннего самоуправления Финляндии, ея этнографических, культурных и иных бытовых особенностей признал, безусловно, необходимым:

⁹⁶ Н.[Д.] Сергеевский, *Финляндская сказка про белого бычка*, с. 122.

⁹⁷ *Деятельность обществ*, „Мирный труд“ 1902, № 4, с. 202.

⁹⁸ М.М. Бородкин, *Памяти финляндского генерал-губернатора Н.И.Бобрикова*, с. 133.

⁹⁹ „Московские ведомости“ 1905, 29 ноября, №. 315.

¹⁰⁰ А.П. Липранди, *dz.cyt*, s. 45, 46.

¹⁰¹ В. Смелков, *Петербургское Русское Собрание (отчет за 1904 г.)*, „Мирный труд“ 1905, № 5, с. 160.

а) упрочение духовно-нравственных и материальных уз, связующих Финляндию с Империей, путем неуклонного продолжения и укрепления начатых объединительных преобразований в духе русской государственности;

б) упразднение всего того, что имеет значение признаков государственной обособленности Финляндии;

в) предоставление русским людям в Финляндии полной равноправности с местными гражданами, и

г) уравнивание Финляндии с остальной Россией в несении всех общегосударственных повинностей и тягостей»¹⁰².

I Всероссийский съезд «Русского собрания» (Петербург, 8-12 февраля 1906 г.) признал, что «современное положение вещей в Финляндии, не только оскорбительно для национальных чувств русского народа, но и существенно угрожает целостности и безопасности России». В резолюциях съезда делегаты призвали правительство обратить самое серьезное внимание «на необходимость немедленного восстановления в крае твердой русской государственной власти... на неотложность устранения тех условий, при которых русские деятели вынуждаются ныне покидать занимаемые ими в крае места... на необходимость безотлагательных мер к разоружению населения Финляндии и устранению из состава местного правления лиц, заведомо враждебно относящихся к России и ее государственности»¹⁰³.

«Московские ведомости» писали: «...ясно, что нужно привести Финляндию в спокойствие... а другого средства, как заблаговременное сильное занятие края войсками, введение в нем, если нужно, военного положения – не придумаешь»¹⁰⁴. По мнению генерала М.М.Бородкина, о «финляндцы далеко не достаточно оправдали это великое и небывалое доверие, которое им было оказано Монархами и Россией... а потому над Финляндией необходимо учредить государственный контроль»¹⁰⁵. В докладной записке от имени руководящих органов правых организаций на имя премьер-министра В.Н. Коковцова говорилось: «В отношении Финляндии необходимо твердое, решительное, неуклонное, последовательное проведение и дальнейшее развитие политики государственного сплочения»¹⁰⁶.

В многочисленном хоре правых политиков и публицистов, настаивавших на том, что Финляндия неотъемлемая часть Российской империи некоторым диссонансом звучал голос С.Ф. Шарапова, предупреждавшего: «Всякие усилия русификации там [в Финляндии] крайне опасны, несправедливо открывая Россию для эксплуатации более сильным культурно финнам»¹⁰⁷.

* * *

Начало XX столетия по всему миру сопровождалось лавинообразным нарастанием процессов национальной самоидентификации и вступлением многих этнических общностей на высшую стадию своего развития, сопровождавшуюся

¹⁰² Одесский отдел Русского Собрания, „Мирный труд“ 1905, № 7, с. 190.

¹⁰³ Правые партии. Документы и материалы. В 2 тт., т. 1: 1905-1910 гг., Москва 1998, с. 127, 128.

¹⁰⁴ „Московские ведомости“, 1906, 8 февраля, №. 36.

¹⁰⁵ М.[М.] Бородкин, Итоги столетия, с. 68.

¹⁰⁶ Правые партии, т. 2, с. 50.

¹⁰⁷ С.[Ф.] Шарапов, dz.cyt, s. 17.

появлением национального самосознания. Многонациональное Российское государство в этом плане не было исключением. Наиболее дальновидные представители консервативного лагеря Правые понимали, что вслед за национальной самоидентификацией населяющих империю народов неминуемо последует процесс национального самоопределения, чреватый расчленением России и созданием на ее территории новых независимых государств. Превратить Россию в государство-нацию было невозможно, не уничтожив империю, чего правые вовсе не хотели. Поэтому, сохраняя имперский характер русского государства, монархисты стремились сохранить и имперский характер национальных отношений в нем, то есть господство титульной нации и «благодарное» подчинение ей других народов, которым принадлежность к империи должна давать «неисчислимыя блага», а именно: безопасность, экономическое процветание, доступ к культурным ценностям и т.п. При этом, естественно, для представителей не титульных наций должна сохраняться возможность свободного вхождения в состав господствующего этноса. В России оно существенно облегчалось тем, что в ней функции титульной нации (русские) выполняла титульная конфессия (православные), так как изменить вероисповедание гораздо проще, чем национальность. Последний фактор во многом объяснял ту относительную стабильность в межнациональных отношениях в России в предыдущий период.

Своеобразную позицию в национальном вопросе занимали С.Ф. Шарапов и Д.И. Иловайский, считавшие, что враждебные окраины отвлекают слишком много средств и мешают развитию коренной России. Поэтому оба они, допуская «отпадение» некоторых из этих окраин, считали, что все усилия необходимо сосредоточить на развитии великорусских областей, своеобразного «острова России» (по аналогии с французским Иль-де-Франсом), ядра, вокруг которого должна возродиться великая империя.

Таким образом, цели правых в национальном вопросе были противоречивы: с одной стороны всемерная поддержка культурного и экономического развития малых народов (чтобы заслужить их благодарность), а с другой стремление затормозить их политическое развитие, утвердив господство «русской народности на всем пространстве империи», и тем самым блокировать процесс национального самоопределения иных этнических общностей для сохранения «единой и неделимой» России.

Streszczenie

Igor Władimirowicz Omeljańczuk

Kwestia ukraińska, fińska i polska w ideologii rosyjskich konserwatystów początku XX wieku

Początkowi XX wieku towarzyszył lawinowy wzrost procesów samoidentyfikacji narodowej i wejściem wielu społeczności etnicznych na wyższy etap rozwoju, co wiązało się z pojawieniem się świadomości narodowej. Wielonarodowe państwo rosyjskie w tym zakresie nie było wyjątkiem. Autor prezentuje poglądy rosyjskich prawicowych polityków i myślicieli na ten temat. Przekształcenie Rosji w państwo nacjonalistyczne było niemożliwością bez zniszczenia go, czego rosyjscy Prawi zupełnie nie chcieli. Dlatego zachowując imperialny charakter rosyjskiego państwa, monarchiści dążyli także do zachowania w nim imperialnego charakteru stosunków narodowych, to jest panowania narodu państwowego i „wdzięcznego” podporządkowania jemu innych narodów.

Summary

Igor Vladimirovich Omelyanchuk

Ukrainian, Finnish and Polish question in the ideology of Russian conservatives early twentieth century

The beginning of the twentieth century was accompanied by avalanche-like growth processes of national identity and the entry of many ethnic communities to the highest stage of its development, which was accompanied by the emergence of national identity. Multinational Russian state in this regard was no exception. The author presents the views of Russian right-wing politicians and thinkers on this subject. Transform Russia into a nation-state was impossible without destroying the empire, what right does not like. Therefore, keeping the imperial nature of the Russian state, monarchists sought to preserve and imperial character of national relations, that is the dominance of the titular nation and «gratitude» to her submission of other nations.

